

ГЕРБЕРТ
УЭЛЛС

Дверь в стене

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Герберт Джордж Уэллс

Дверь в стене

«Азбука»

1887-1909

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Уэллс Г.

Дверь в стене / Г. Уэллс — «Азбука», 1887-1909 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-26585-1

Английский прозаик Герберт Уэллс – один из основоположников научной фантастики, автор около двухсот книг, писатель, чьи вымыслы, идеи, наблюдения, предвидения, предостережения и просветительские усилия изменили сознание людей XX века. Помимо знаменитых романов «Машина Времени», «Человек-невидимка», «Война миров», названия и образы которых прочно вошли в языковой и культурный обиход человечества, Уэллс также создал почти сотню рассказов, отмеченных неистощимой выдумкой, широтой тематического репертуара и неизменной занимательностью сюжетов. В настоящий сборник включены образцы уэллсовской малой прозы разных лет – от первых, студенческих проб пера до поздних произведений, написанных уже признанным мэтром литературы, мыслителем, ученым и общественным деятелем, обласканным мировой славой. Необъяснимые загадки соседствуют в творчестве писателя с остроумными наблюдениями за английскими характерами и нравами, трагикомические зарисовки – с грустными притчами, истории, исполненные первобытного ужаса, – с повествованиями об удивительных открытиях и изобретениях, о переселении душ и путешествиях в иные миры.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-26585-1

© Уэллс Г., 1887-1909

© Азбука, 1887-1909

Содержание

История из двадцатого столетия	7
Видение из прошлого	11
Уолкот	14
Человек с носом	19
Побег из семьи	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Герберт Уэллс

Дверь в стене

© С. А. Антонов, составление, перевод, примечания, 2024

© А. М. Бродоцкая, перевод, 2024

© Н. А. Дехтерева (наследники), перевод, 2024

© Е. В. Матвеева, перевод, 2024

© Н. Ф. Роговская, перевод, 2024

© А. Н. Круглов, перевод, 2024

© Издание на русском языке, составление, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024 Издательство Азбука®

История из двадцатого столетия Для развитых умов

1

С тех пор уже миновали годы...

Изобретатель закончил свои дни на чердаке. Слишком гордый, чтобы принять пособие по бедности от прихода, он проел всю свою одежду, выковырял из стен своего жалкого жилища всю штукатурку и сжевал ее до последнего кусочка, изгрыз ногти до самых лунок – и умер.

Груда костей – вот и все, что осталось от тела, когда его обнаружили: при жизни Изобретатель придерживался чересчур строгой диеты, в которой оказалось чересчур много извести.

Но хотя Изобретатель был мертв, Мысль его продолжала жить.

Ее подхватила коммерческая предприимчивость, коей английская нация обязана своим величием и своим местом в авангарде армий прогресса. Исаак Мелуиш – представитель обеспечительного капитала, заимодавец, которому покойный за тринадцать шиллингов шесть пенсов заложил права на изобретение, – учредил закрытое акционерное общество «Тише-едешь-дальше-будешь» и пустил патент в дело.

Идея заключалась в следующем.

Локомотив нового типа. Колеса вращаются под действием электричества, которое генерирует динамо-машина, которая в свою очередь работает от вращения колес. Очевидно, что такая машина получает чрезвычайно мощную и устойчивую движущую силу, стоит лишь придать ей начальную скорость, каковую была призвана обеспечить встроенная пневматическая система.

Исаак Мелуиш развил этот замысел: он взял за основу метрополитен и идею динамо-машины и напечатал объявления о выпуске акций, куда искусно вплел уйму влиятельных персон, так что они стали лицами его рекламной кампании. Затем началась продажа акций, и вся затея обрела зримые черты практически осуществимого предприятия.

«Столичной и Окружной железной дороге»¹ задумка Мелуиша сулила второе рождение. На смену оксидам мышьяка и сернистому газу, которые подтачивали здоровье лондонцев, предстояло прийти воздуху, насыщенному озоном. У больных отныне не будет нужды отправляться на взморье – регулярные поездки в метро теперь могут дать не меньший целительный эффект.

Тоннели будут освещены и украшены.

Более того, акции компаний, связанных с новым предприятием, взлетят до небес и останутся там, подобно Илие-пророку².

Августейшие особы приобрели акции и даже частично их оплатили.

---

¹ Уэллс переносит на столетие вперед ряд реалий и обстоятельств строительства лондонского метрополитена (старейшего в мире). В частности, «*Столичная и Окружная железная дорога*» – вымышленный гибрид (в реальности намечавшееся слияние не состоялось) двух железнодорожных компаний – Столичной и Окружной, – совместными усилиями осуществлявших в 1864–1884 гг. прокладку так называемого *Внутреннего кольца* – пролегающей через главные вокзалы Лондона спиралеобразной замкнутой линии метро, по которой поезда на паровозной тяге циркулировали во встречных направлениях (по «внешнему» и «внутреннему» кругу). Описанный далее банкет, возможно, намекает на торжественный прием в Мэншн-хаусе (резиденции лорд-мэра Лондона), который состоялся 1 июля 1871 г., за два дня до открытия одноименной новой станции Внутреннего кольца, и на котором присутствовал тогдашний премьер-министр Великобритании Уильям Юарт Гладстон (1809–1898), являвшийся одним из акционеров предприятия.

² *Илия* — библейский пророк в Израильском царстве в IX в. до н. э.; по ветхозаветной легенде, был взят на небо в огненной колеснице, запряженной огненными конями (см.: 4 Цар., 2: 11).

Проведение новой идеи в жизнь было решено отметить национальным праздником. Планировалось, что первый поезд – с почетными пассажирами – совершит поездку по Внутреннему кольцу. Единственный владелец и ведущий актер театра «Лицеум»³ должен был исполнить разом все роли, которые играл прежде, притом взимать со зрителей плату не предполагалось. В Хрустальном дворце⁴ шли приготовления к банкету для сливок британского общества, а в Альберт-холле⁵ – к благодарственному молебну для широких слоев населения.

Приближалось 19 июля 1999 года.

Во всех сердцах царили легкость и беспечность.

И вот наступило 19 июля 1999 года.

Главный зал Хрустального дворца ослеплял огнями иллюминации и поражал пышностью убранства. Все самые одаренные, красноречивые, успешные и преуспевающие заняли места за банкетным столом. На галереях теснились несметные толпы посредственностей, выложивших по полгинеи за привилегию поглазеть, как едят великие мира сего. В числе приглашенных на торжественную трапезу было девятнадцать епископов в вечернем облачении, четыре принца со своими переводчиками, двенадцать герцогов, одна эмансипированная дама, президент Королевской академии, четырнадцать именитых профессоров, один настоящий ученый того же звания, семьдесят тщательно отобранных настоятелей, президент Материалистического религиозного общества, популярный комик, тысяча шестьсот четыре известных негоцианта, торговавших оптом и в розницу тканями, шляпами, бакалеей и чаем, член парламента (из среды рабочих-реформистов), почетные директора едва ли не всей вселенной, двести три биржевых маклера, один граф (восседавший на видном месте), который однажды сказал нечто необычайно умное, девять графов с Пикадилли, сказать что-либо умное не способных, тринадцать графов-спортсменов, семнадцать графов-торговцев, сто тринадцать банкиров, один фальшивомонетчик, один врач, дюжина театральных администраторов, Бладсол – величайший романист, один инженер-электрик (из Парижа), без счету директоров электрических компаний, их дети и внуки, кузены и кузины, племянники и дяди, родители и друзья, несколько светил юриспруденции, два рекламных подрядчика, сорок один производитель патентованных лекарственных средств, «лорды, члены парламента, спирт, прорицатель, заграничные музыканты, офицеры, капитаны, гвардейцы и прочие».

Один из великих держал речь. До публики на галереях доносилось лишь «бу-бу-бу-бу». Сидевшие за столом слышали: «...мало знаем... жжж... инициатива... смелые действия человечества (*громкие аплодисменты*)... согласитесь со мной в том, что (*тсс!*) взбираясь на недоступные вершины... нет, более того. Пробиваться сквозь них, покорять их (*бурные овации*)... бу-бу-бу... (*бурная и продолжительная овация*)... жжж... (*неистовые овации. Тсс!*)... отвага – но разумная отвага, смелость, но... жжж... жжж...»

Примерно в таком духе великий человек продолжал разглагольствовать, когда сэру Исааку Мелуишу подали телеграмму. Он взглянул на нее, сделался бледно-лилового цвета и рухнул под стол.

Там мы его и оставим.

---

³ Уэллс переносит в будущее вполне реальную персону своей эпохи – знаменитого британского актера-трагика Генри Ирвинга (наст. имя и фамилия – Джон Генри Бродрибб, 1838–1905), который прославился как исполнитель главных ролей в пьесах Уильяма Шекспира: Гамлета, Макбета, Отелло, Ричарда III и др. В 1878–1898 гг. Ирвинг возглавлял театр «Лицеум», расположенный в Вест-Энде (западной части Лондона), на Веллингтон-стрит, неподалеку от Стрэнда.

⁴ Хрустальный дворец — огромный выставочный павильон из стекла и чугуна, площадью более 90 000 м², возведенный в лондонском Гайд-парке ко Всемирной выставке 1851 г., а после ее закрытия демонтированный и перенесенный в 1854 г. в предместье Лондона Сиднем-Хилл; сгорел в 1936 г.

⁵ Альберт-холл – концертный зал в лондонском районе Южный Кенсингтон, один из самых престижных в стране и во всем мире; возведен в 1781 г. в память о принце-консорте Альберте, супруге королевы Виктории, скончавшемся десятилетием раньше.

2

А произошло вот что.

Почетные пассажиры собрались возле поезда. Среди них были августейшая особа с телохранителем, премьер-министр, два епископа, несколько популярных актрис, четыре генерала (из министерства внутренних дел), разного рода чужеземцы, личность, связанная, судя по ее виду, с военно-морским флотом, министр просвещения, сто двадцать четыре паразита, состоявшие на государственной службе, один идиот, глава министерства торговли, некто в костюме, банкиры, еще один идиот, лавочники, фальшивомонетчики, театральные декораторы, третий идиот, директора и так далее и тому подобное (по образцу предыдущего собрания). Почетные пассажиры заняли места в вагонах. Сжатый воздух запустил машину, и поезд набрал большую скорость. Научный руководитель проекта с улыбкой обратился к августейшей особе: «С вашего позволения, мы сначала проедем по Внутреннему кругу и осмотрим декор». Все шло как нельзя лучше.

Никогда еще добросовестное стремление августейшей особы интересоваться всем на свете не было столь очевидным. Его величество настаивал – именно *настаивал* – на том, чтобы научный руководитель показал ему двигатель и подробно все растолковал.

– Все, что я вам продемонстрировал, – отечественного производства, – сказал в завершение осмотра научный руководитель, маленький болтливый человечек. – Вам, несомненно, известна превосходная фирма Шульца и Брауна (в тысяча девятьсот двадцатом году они перенесли производство в Пекин ввиду дешевизны тамошней рабочей силы); так вот, каждая деталь сделанного ими механизма прочна и надежна. Теперь я должен объяснить вам, как работает тормозная система. Нужно заметить, что автор первоначального проекта планировал снабдить машину большим запасом сжатого воздуха. Я внес в его замысел некоторые изменения. Сила вращения колес не только запускает динамо-машину, но и нагнетает воздух для следующего пуска. Собственно говоря, с момента старта и до момента остановки никакой внешней энергии машине не требуется, и ее работа ровным счетом *ничего* не будет нам стоить. И коли уж зашла речь об остановке, ничто не остановит меня в моем намерении показать вам, как действуют тормоза.

И научный руководитель, самодовольно улыбнувшись при мысли о том, как удачно он сострил, огляделся по сторонам. Судя по всему, он не увидел того, что искал, поскольку его взгляд стал более нетерпеливым.

– Беддели, – спросил он, слегка покраснев, – где включаются тормоза?

– Чтоб я знал! – отозвался Беддели. – Вот эти ручки, что я принял за тормоза, отвалились, едва я до них дотронулся. Видать, гипсовые, для декору были приделаны.

После этих слов лицо научного руководителя начало стремительно менять цвета – от стронциево-красного до таллиево-зеленого.

– Тормоза сломаны, – сказал он, обращаясь к августейшей особе, и добавил тихо и отчетливо, как человек, который старается унять волнение: – Взгляните на манометр.

– Полагаю, я увидел достаточно, благодарю вас, – отозвался августейший собеседник. – И предпочел бы ни на что больше не смотреть. Я хотел бы выбраться отсюда, если возможно. От такой высокой скорости мне не по себе.

– Ваше величество, мы *не можем* остановиться, – пустился объяснять научный руководитель. – И более того, согласно показаниям манометра, у нас два выхода: либо мы удвоим скорость движения, либо разлетимся на куски, так как давление сжатого воздуха непрерывно растет.

– В этих непредвиденных и чрезвычайных обстоятельствах, – произнес великий человек, смутно припомнив свою речь на открытии одной из парламентских сессий, – целесообразнее всего, вероятно, увеличить скорость, и притом безотлагательно.

В Хрустальном дворце меж тем царил переполох – банкетный зал стал полем битвы гостей, торопившихся забрать свои шляпы. Речистый проповедник в Альберт-холле сыпал расхожие банальности о ниспосланном свыше процветании страны, но, получив телеграмму, продолжил проповедь словами «*Vanitas vanitatum*»⁶. Из этих двух центров смятение медленно, но верно распространялось вширь и с выходом вечерних газет охватило всю Англию.

3

Что следовало сделать?

Что *можно было* сделать?

Можно было поднять этот вопрос в парламенте, но сей руководящий орган не смог собраться на заседание из-за неожиданного отсутствия спикера, который находился в пресловутом поезде. Народный сход на Трафальгар-сквер, где намеревались обсудить создавшееся положение, был без лишних церемоний разогнан с применением новейших средств.

А обреченный поезд тем временем продолжал все быстрее и быстрее описывать круги по Внутреннему кольцу. Утром 20 июля наступила развязка.

Между вокзалом Виктория и Слоун-сквер поезд сошел с рельсов, со страшной силой пробил стену тоннеля и стал мало-помалу застревать в хитросплетенной подземной сети водопроводных, газовых и дренажных труб. Повисла ужасающая тишина, которую нарушал лишь грохот домов, обрушившихся слева и справа от места катастрофы. А потом воздух сотряс неимоверной силы взрыв.

От большинства пассажиров не осталось и следа. Августейшая особа, однако, благополучно приземлилась в Германии. Ушлые дельцы вредоносными облаками, сулящими мор и неурожай, опустились на сопредельные страны.

1887

---

⁶ Суета сует (*лат.*) – начало библейского изречения «*Vanitas vanitatum omnia vanitas*» («Суета сует – все суета». – Еккл., 1: 2, 12: 8).

Видение из прошлого

В знойный июльский день, уже переваливший за середину, я, протащившись три часа по старой римской дороге – прямой, усеянной песчаником и очень пыльной, – добрался до подножия крутого холма и, изнемогая от усталости, огляделся в поисках тенистого места, где можно было бы отдохнуть. Возле дороги я приметил узкую тропинку и, пройдя по ней, набрел на темный сосняк, углубился в него, раздумчиво прилег под деревом и вскоре заснул. И надо же – мне привиделся сон.

Мне приснилось, будто я мчусь сквозь быстро меняющееся пространство и слышу, как голос, похожий на порывы пронсящегося по лесу ветра, говорит: «Отправляйся в прошлое... в прошлое». Затем полет прекратился, и какая-то сила опустила меня на землю.

Хотя я, как и прежде, лежал под деревом, вокруг был уже не сосняк, а обширная равнина, простиравшаяся до самого горизонта во все стороны, кроме одной, где вдалеке вздымался в прозрачное небо вулканический пик. Между мной и этим пиком виднелось широкое тихое озеро, поверхность которого рябил легкий бриз. Ближний берег был низкий и болотистый, на противоположном прямо из воды поднимались крутые утесы. Позади открывалась гряда невысоких холмов, а за ними вырисовывался тот самый пик. Равнину устилал мох, вид которого был мне незнаком, как и порода деревьев, купами росших повсюду. Впрочем, я не долго разглядывал местную растительность – мое внимание почти сразу привлекло странное создание, чей облик вызвал у меня живейшее любопытство.

По болотистой береговой кромке медленно брела какая-то рептилоподобная тварь, грузная и нескладная. Меня она не замечала, ибо отвернула голову в другую сторону. Колени существа почти касались земли, что делало его поступь в высшей степени неуклюжей. Поднимая ногу, чтобы сделать шаг, оно самым нелепым образом выворачивало ступню назад. Понаблюдав за ним некоторое время и так и не уразумев смысла этих движений, я начал склоняться к мысли, что единственная их цель – оставлять следы в грязи (занятие, показавшееся мне странным и бесполезным).

Радея об интересах науки, я попытался определить природу этого существа; но я привык идентифицировать животных исключительно по костям и зубам, а в данном случае это было невозможно – кости скрывала плоть, исследовать же его зубы мне помешала некоторая робость, о которой я ныне сожалею.

Немного погодя нескладная тварь принялась неспешно поворачиваться ко мне, и удивленное удивило меня больше, чем все прочие гротескные ее черты, подмеченные ранее: у этого поразительного создания было три глаза, один из которых находился посреди лба. Оно глянуло на меня всеми тремя – так, что, охваченный необыкновенным страхом, я задрожал и сделал тщетную попытку переместиться во времени на столетие или около того вперед. И когда эта тварь наконец снова обратила свой жутковатый взор на озеро, я испытал непритворную радость. В то же мгновение существо издало звук, подобного которому я никогда дотоле не слышал и, хочется верить, никогда впредь не услышу. Этот звук навсегда впечатался в мою память, но я не смогу – и даже не стану пытаться – подобрать слова, способные донести до моих читателей внушаемый им ужас.

Едва этот звук успел замереть, озерная гладь всколыхнулась, и над водой появились головы множества созданий, подобных первому. Все они быстро поплыли к нему и выбрались на берег; и затем мне довелось наблюдать самую удивительную особенность этих существ – а именно способность общаться между собой посредством звуков.

И вот тут, к сожалению, я вынужден рассказать о величайшей потере для науки, ибо, опомнившись от удивления, вызванного разговором этих странных созданий друг с другом, я вдруг сообразил, как, проанализировав устройство их поясничных позвонков, можно уста-

новить, что они владеют членораздельной речью. Но увы! Позднее я безуспешно пытался восстановить в памяти цепочку своих тогдашних умозаключений, которые могли бы оказаться чрезвычайно полезными при изучении различных ископаемых форм. Сколько ночей без сна я провел, стараясь это припомнить, но все оказалось тщетно! Полагаю, суть метода была в том, чтобы обнаружить особую связь позвонков со спинным мозгом, спинного мозга – с головным и головного мозга – со способностью к речи.

Но вернемся к моему сну. Изумление, которое я испытал поначалу при виде всяческих странностей, к этому моменту уже прошло; посему я ничуть не удивился, обнаружив, что понимаю разговор этих тварей, хотя мне трудно судить, была ли то телепатия или же нечто другое.

Стоя на берегу (или, точнее, опустившись на колени – эти позы в их случае мало отличались друг от друга), существа явно приготовились внимать философским рассуждениям своего собрата, увиденного мною раньше остальных. Они расположились полукругом возле него, а он, степенно и, как мне показалось, торжественно прикрыв средний глаз, принялся вещать следующим образом:

– О идюл, – (это обращение я истолковал как родовое имя тех, за кем наблюдал), – возрадуйтесь тому, что вы идюл, и втройне возрадуйтесь тому, что вы ылгна⁷, – (это я истолковал как название местного племени), – взгляните на чудесный мир вокруг и осознайте, что он создан для нас. Взгляните на пласты породы, обнажившиеся на склоне вот того утеса и запечатлевшие прошлое этой Земли, многие века, в течение которых она медленно готовилась к появлению нас – венца всего сущего, наибогороднейших созданий из всех, что когда-либо рождались или родятся на свет.

В этом месте его речи слушатели неистово заморгали средним глазом – я принял это за аплодисменты и знак одобрения.

– Оцените наше сложение – и вы увидите, как далеко мы ушли в своем развитии от всех прочих живых существ. Поразмыслите об удивительном и сложном устройстве наших зубов; вспомните, что только мы наделены двумя разными способами дышать на различных стадиях нашей жизни; что наш средний глаз развит в такой степени, какая недоступна низшим животным. Подумайте обо всем этом и возгордитесь. – (*Вновь последовало неистовое моргание средним глазом.*) – И если мы таковы сейчас, разве не вправе мы ожидать, что и будущее расположено к нам? Во все грядущие эпохи мы будем населять эту землю, тогда как низшие формы жизни уступят нам свое место и сгинут без следа. Этот мир навеки наш, и мы будем неуклонно двигаться к бесконечному совершенству. – (*Конвульсивное моргание средним глазом, сопровождаемое странными фыркающими звуками.*)

Эти нелепые претензии на столь высокое положение, высказываемые философствующей амфибией, которая во всех отношениях стояла много ниже, чем я, до поры до времени изрядно меня забавляли. Но в этот момент я не выдержал, стремительно выступил вперед и заявил:

– О глупое создание! Ты мнишь себя венцом творения? Так знай же, что ты – всего-навсего жалкое земноводное; что ваша раса не вечна и всего через несколько миллионов лет – по меркам геологической хронологии это сущий пустяк – исчезнет с лица земли; что постепенно от вас произойдут – и превзойдут вас – более высокие формы жизни; что вы существуете в этом мире лишь для того, чтобы подготовить его к приходу этих высших форм, которые в свою очередь подготовят его к явлению великолепной расы разумных и обладающих душой созданий, чье дальнейшее шествие к бесконечному совершенству будет длиться бессчетное множество веков, – расы, к которой я...

Но тут я начал сознавать, что мое красноречие пришлось не по нраву слушателям и они начали медленно, но верно надвигаться на меня. Тот, кому незнакомы (а кому из моих читате-

---

⁷ Идюл, ылгна — инверсия слов «люди» и «англы» (в оригинальном тексте рассказа – «Nēm» и «Nēm of Dnalgne», то есть написанные в обратном порядке слова «men» и «men of England»).

лей знакомы?) чувства, которые испытываешь, находясь под прицелом трех глаз, расположенных на одной голове, вряд ли поймет, что я ощутил, когда на меня уставилось целое стадо трехглазых тварей, мало-помалу подбиравшихся ко мне все ближе и ближе. Оцепенев от страха, я не мог ни шагу ступить, ни издать хотя бы звук. Неспешно – так неспешно, что чудилось, будто они не двигаются вовсе, – эти твари наступали на меня, ни на миг не отводя в сторону своего пристального, ужасающего взгляда. Они обступали меня все теснее, их огромные пасти были открыты, – казалось, они вот-вот сокрушат меня мощными челюстями. В тот момент, когда они уже готовились схватить меня, я сделал отчаянное усилие... и проснулся. Надо же! Это был только сон.

Я не мешкая поднялся со своего импровизированного ложа под деревом (уже наступил вечер, и в роще становилось все холоднее) и быстро направился через холм к ближайшей железнодорожной станции, радуясь, что сумел вернуться целым и невредимым в более дружелюбную обстановку современной эпохи.

1887

Уолкот

В имении Уолкота был канун Рождества. Протяженная гостиная по большей части тонула в глубокой тени, и лишь благодаря мелькавшим здесь и там тусклым огонькам отраженного света можно было понять, где находятся столы, вазы, стулья и кресла. Перед широким камином стоял невысокий защитный экран. Временами за ним вспыхивало красноватое мерцание, сопровождаемое шипением и треском поленьев, и наполняло зримой жизнью призрачную комнату, высоких белых кариатид по бокам просторного входа и бронзовую фигуру Сатаны возле рояля. Когда неверные тени двигались, казалось, будто эта фигура шевелится и делает знаки воздетой вверх рукой, а сластолюбивые кариатиды улыбаются. Часы, невидимо тикавшие в густом сумраке над каминной полкой, пробили одиннадцать вечера – гулко и настойчиво. К тому моменту, когда их бой прекратился, трепещущие огоньки за экраном погасли, ночная мгла проворно поглотила смутно видимую красную комнату, и шевелящийся Сатана вкупе с ухмыляющимися вратами утонули во тьме.

В дальнем углу гостиной началось движение, раздался шорох, а затем резкий щелчок и тихое позвякивание, как будто стронули с места цепь. Потом все стихло, кроме шипения и ворчания плавящейся смолы поленьев в очаге. Одно из них издало тонкий, внезапно оборвавшийся свист – точно мальчишка, напуганный жутковатой тишиной ночи.

– Ш-ш-ш, – внезапно прозвучало в углу – точно эхо шипения в камине. – Ш-ш-ш. О Эдвин!

Алые языки пламени вновь нервно взметнулись вверх. Расплывчатое пятно в углу оказалось птицей на жердочке, тускло блеснула золоченая цепь. Бронзовая фигура кивнула, ее искаженная исполинская тень на стене присела и подпрыгнула, кариатиды у входа злое ухмыльнулись и моргнули. Часы с сокрушительной неумолимостью четко отсчитывали секунды. Затем откуда-то извне донеслись неуверенные шаги.

Под массивной дверью появилась тончайшая золотистая линия; дверь распахнулась, и порог гостиной переступили двое лакеев с серебряными канделябрами в руках, а за ними показались и другие фигуры.

Когда свет, проникший внутрь, обнажил изящество шелка и бархата, белизны и позолоты в убранстве комнаты, распутницы, перестав ухмыляться, затаили дыхание и замерли, а воздетая рука Сатаны зависла в нерешительном ожидании. И часы тоже умолкли, словно насторожившись. Поверх циферблата выступила из темноты фигурка седого Времени, размахивающего своей косой, – безжалостное, расчетливо-неторопливое и наводящее ужас олицетворение неизбежности. Все вокруг сделалось реальным, ярким и отчетливым. В углу на причудливой жердочке сидел, щурясь на свет, серый попугай.

Лакеи церемонно прошли в гостиную, водрузили канделябры на круглый столик, отодвинули каминный экран и переставили полированный стол поближе к очагу. Меж тем в комнату вошли трое богато одетых джентльменов.

– Эта комната намного лучше, Эдвин, – сказал один из них, двигаясь неторопливо и держа руки в карманах. Это был светлокожий румяный юноша, облаченный в роскошный атласный костюм вишневого цвета с благородной кружевной отделкой. Тот, к кому он обращался, был старше, выше ростом и темнее лицом, но одет не менее пышно. – Не понимаю, кузен, почему ты был против того, чтобы прийти сюда, – продолжал он. – Думаю...

– Теперь это уже не важно, Клод, – перебил тот, кого юноша называл кузеном; его голос явственно свидетельствовал о давешней досаде, перешедшей в беспокойство. – Я был под впечатлением от одной мимолетной фантазии. Теперь все в порядке... теперь, когда мы здесь, все в порядке. Вицелли, где ты сядешь?

– Вицелли, – подхватил юноша, – ты уже видел нашего попугая? Прелюбопытная птичка... онемела от горя с тех пор, как... как кузен Гарри преставился.

Вицелли помедлил, раздумывая, кому первым делом отвечать, потом произнес, обращаясь сразу к обоим:

– Там. Нет.

Этот человек с маленькими глазками и тонкими чертами лица был много старше и степеннее своих спутников.

– Да, онемела от горя, – повторил Клод. – Полли! Милый Полли! – воскликнул он, приближаясь к птице. – Видишь, Вицелли, он не отзывается.

Попугай поднял одну лапку, распрямил толстые пальцы, щелкнул клювом и склонил голову к когтю.

– Полл, царпка Полл... Полагаю, Вицелли, вы уже слышали полторы сотни вариаций нашей загадочной семейной истории. Чего только не плетут об этом!

– Карты готовы, Клод, – известил Эдвин, меж тем как лакеи, завершив все приготовления, незаметно удалились. – Прошу садиться.

Вицелли перевел взгляд с Эдвина на Клода, взял первую колоду карт и провел пальцами по торцам.

– Та же игра, само собой, – сказал он Эдвину.

Клод сел за стол, слегка отодвинув стул, чтобы продемонстрировать вышивку на своем жилете.

– Передай вон тот графин, Вицелли, – попросил он. – Где мои карты? О Фортуна, Фортуна!... Вицелли слишком учтив, чтобы говорить про сэра Гарри, – продолжил он чуть погодя, наливая себе из графина, – я имею в виду, в нашем присутствии.

– Сними ты, Клод, – предложил его кузен.

Вицелли принялся сдавать карты. Потом, спокойно глянув на Эдвина, произнес:

– Я мало что слышал об этой истории. Сэр Гарри счел нужным исчезнуть потому... потому что проигрался в карты?

Эдвин утвердительно кивнул.

– Это единственно возможное объяснение, какое приходит в голову... Мы ждем, Клод, – нервно заметил он, словно желая сменить тему разговора.

– Вздор, – бросил Клод, делая ход. – Мы оба знаем, что это не так. Сэр Гарри никогда не играл в карты.

Услышав это категоричное опровержение, Эдвин побледнел и бросил злобный взгляд на кузена. Похоже, он был до крайности раздражен его заявлением.

– Ты мало что знаешь об этом, Клод, – возразил он.

– Я знаю, что сэр Гарри никогда не играл в карты.

– Насколько мне известно, играл. Вот черт! – Эдвин сделал ход не той картой. – Так, так! Я бы хотел, Клод, чтобы ты воздержался от попыток затеять спор во время игры.

– А кому загорелось спорить? Уж точно не мне! Сэр Гарри никогда не играл.

Последовало неловкое молчание. Игра продолжалась в полной тишине. Затем Клод выпил, облизнул губы и повернулся к Вицелли.

– Нет, Вицелли, исчезновение сэра Гарри не было бегством от карточных долгов. В конце концов, мы почтенная семья. Мне кажется... – на лице юноши появилось весьма глубокомысленное и доверительное выражение, а в глазах Эдвина мелькнула тревога, – в этом деле замешана женщина.

У Эдвина побагровело чело, но в остальном выглядел он спокойным.

– Незнакомая колода, Вицелли. Вот почему мне не везет, в этом все дело. У меня в голове все так запуталось и смешалось, словно...

– Словно в гниющем трупе, – вернул Клод, беря реванш за недавнюю пикировку.

Повисла еще одна напряженная пауза. Эдвин явно ощущал себя не в своей тарелке.

– Я и правда никогда не слышал подробностей этого дела, – сказал Вицелли, забирая выигранные ставки; его узкие глазки с видимым удовлетворением наблюдали за возрастающей рассеянностью одного кузена и опьянением другого. – В нем было нечто странное?

– Нет, все было восхитительно просто, – ответил Клод. – Передай мне графин. Спасибо. Вот два бесспорных факта. Первый: сэр Гарри был. Второй: его нет. И кстати, в день, когда он исчез, этот попугай лишился дара речи. Это все. Между прочим, ты последним видел своего брата, Эдвин. Расскажи нам об этом.

Эдвин побелел и стал совершать ходы не думая.

– Карты нынче заколдованы, не иначе, – процедил он сквозь зубы, проигнорировав замечание Клода.

– Боже мой, Эдвин! – выпалил неугомонный Клод. – Да ведь сегодня ровно год! Вицелли, нынче же двадцать четвертое декабря, канун Рождества? Ну конечно. Ровно год с того дня, когда сэра Гарри видели последний раз. Вицелли, а призраки не...

– Давай сменим тему, Клод. Эти разговоры не дают сосредоточиться на игре, – почему-то заметно нервничая, перебил Эдвин.

– Дорогой мой! Это в высшей степени ценная мысль... для тебя... насчет годовщины. По прошествии года ты сможешь... как это называется?... вступить в права на управление наследством.

Эдвин с силой забарабанил бледной рукой по столу и притворился, будто изучает кружева на манжете.

– Ты мешаешь игре, Клод.

– Перед нами, – продолжал Клод, с нарочито заговорщицким видом обращаясь к Вицелли, – хитрый лис, Виц. В самом деле, ты хитрый лис, Эдвин, раз прибегаешь к подобным приемам. Это так, к слову. Так вот, этот самый Эдвин всегда прикидывается раздосадованным и уязвленным, когда речь заходит об исчезновении сэра Гарри. А на деле ему от этого – сплошная выгода. Тебе следует знать, что сэр Гарри собирался жениться; счастливая девушка, счастливый день, все решено. Если бы он женился и родил наследника, бедный старина Эдди остался бы не у дел. А теперь он почти баронет – вскоре станет баронетом, я полагаю.

– Ты в самом деле был последним, кто его видел? – спросил Вицелли, испытующе глядя на Эдвина.

Тот облизнул пересохшие губы и посмотрел в глаза Вицелли. Он заговорил, и казалось, что он крайне осмотрительно подбирает слова:

– В канун прошлого Рождества я оставил своего брата здесь, в этой комнате, сидящим перед вот этим камином, примерно в одиннадцать вечера. Примерно... да, примерно в одиннадцать... должно быть, так... – Эдвин невольно перевел взгляд на часы. – Лакей, спавший внизу в буфетной, услышал над головой звук удара и болтовню попугая. Я... я был уже в постели и вообще ничего не слышал. На следующее утро сэр Гарри исчез. Все вокруг было как обычно – то есть я имею в виду, ни здесь, ни где-то еще не виднелось ни намека на какой-либо беспорядок. С тех пор...

– Виц, дружище, передай бутылку. Вероятно, здесь не обошлось без вмешательства дьявола, – произнес Клод. – Говорю же – представился.

– Для меня случившееся – не повод шутить, – недовольно произнес Эдвин и облегченно выдохнул, когда Вицелли снова обратил взгляд на карты. – Он исчез...

– Без четырех полночь, – перебил Клод. – И сегодня суббота. Вицелли, если мы продолжим играть до воскресенья, мы ведь узреем дьявола, не так ли? Интересно, он похож на здешнего бронзового Сатану? Возможно, он вернет сэра Гарри обратно.

– Замолчи, ради бога! – воскликнул Эдвин в крайнем возбуждении. – Ты знаешь, как тяготит меня его исчезновение; я бы душу прозакладывал, чтобы найти сэра Гарри – или его тело...

– О Эдвин!

Эдвин стал мертвенно-бледным.

– Что это было? Это ты сказал, Вицелли? Ты слышал что-нибудь?

Вицелли выглядел слегка удивленным.

– Я ничего не говорил, но, думаю, что-то слышал.

– Я нет, – заявил Клод. – Вицелли, без двух минут двенадцать. Что произойдет в полночь, если мы продолжим игру?

– Карты красной масти превратятся в карты черной масти, и наоборот, – сухо отозвался Вицелли, – а фигуры на картах обратят лица к тебе. Только и всего. Ничего запредельно ужасного. Что с тобой, Уолкот, почему ты не делаешь ход?

– Что ты так пристально рассматриваешь в пламени свечи? – недоуменно спросил Клод. – Можно подумать, что ты увидел там дурное предзнаменование. Не тревожься. До полуночи еще одна минута.

Эдвин, со странной дрожью и одышкой, ответил:

– Я... ничего, ничего. Просто фантазия. Я всегда фантазирую... Вы ничего не видите? Брр, как оно дергается и борется за жизнь! Еще не умерло. Затихнет оно когда-нибудь? Я имею в виду пламя.

Он был бледен как привидение, на лбу блестел лихорадочный пот. Он дернулся в сторону свечи, словно пытаясь схватить ее, потом испуганно и пытливо посмотрел на Вицелли, дотронулся до лба, а затем принялся перебирать карты.

– Свеча мигает потому, что на ней скопился нагар. Только шея... то есть фитиль... пылает багряным, и...

Один. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть. Медленно и торжественно басовитые куранты пробили полночь.

Едва замер гул последнего удара, Эдвин с громким криком отвращения отшвырнул карты.

– Лицо, – воскликнул он, – лицо – с черным языком, вывалившимся наружу! Карты, валеты и короли, белые лица и побагровевшие шеи. Каким безумцем я был, что пришел сюда – в эту комнату – сегодня вечером! Вы глупцы! Это шутка! Болваны, на что вы уставились?

Никто не произнес ни слова в ответ. Вицелли внезапно скрестил на груди руки и наклонился над столом в сторону Эдвина. Клод торопливо схватил свои карты, испуганно глянул на них и, несколько успокоившись, повернулся к кузену.

Воцарилась тишина, а затем ее прорезал, наполнив собой пространство гостиной, низкий, нездешний, проникновенный голос – страдающий и задыхающийся:

– О Эдвин! О матушка! Пощади меня, пощади меня! Ох!

Его жалобный вскрик завершился протяжным рыдающим стоном.

У Клода волосы встали дыбом. Вицелли не шелохнулся и не сказал ни единого слова. Эдвин сидел, сминая в кулаке карты, опустив голову, моргая, с перекошенным ртом, – словно ожидал приговора.

Посреди устрашающего безмолвия торжественно тикали часы. Бронзовый Сатана выжидательно замер за спинами собравшихся, кариатиды с затаенной тревогой смотрели вглубь комнаты. Тень от воздетой руки Сатаны угрожающе нависла над поникшей тенью Эдвина. Попугай переместился на своей жердочке, звякнула цепь. Со стуком упала на пол карта. Потом они услышали бесплотный голос, заставивший Вицелли и Клода невольно бросить взгляд на мертвенно-бледное лицо Эдвина:

– А!.. Тайное убежище священников в башне...

То был голос Эдвина, но это произнес не Эдвин.

Еще одна жуткая пауза, продлившаяся минуту – или час. Затем глаза Эдвина осмысленно блеснули. Он в ярости вскочил, уронив стул, и стремительно сделал три шага к попугаю. Птица издала зловещий крик и забила широкими серыми крыльями. Вицелли схватил Эдвина за руку, и они встали друг против друга.

– Это судьба, – произнес Вицелли. – Ты должен покориться. Мы знаем... достаточно.

Пауза, за ней – взволнованный шепот.

– Да, я убил его – здесь – год назад, в канун Рождества. Глупо было приходить сюда, особенно в этот вечер! Мы напились и поссорились. Он преграждал мне путь к богатству, а его богатство отбирало у меня мою Энни. Он издевался надо мной. Как я ненавидел его в ту минуту! Я с размаху ударил его кочергой, повалил на пол, напрыгнул на него и задушил. В заброшенной башне есть потайная комната, где когда-то скрывались от преследований католические священники. Только он и я знали о ней. Он там, изъеденный крысами, превратившийся в мумию... Вицелли, отпусти хоть на миг мою руку.

Он повернулся и теперь видел лица обоих.

Внезапно свет упал на его рапиру. Она взметнулась, попугай перекувырнулся и, обезглавленный, повис на цепи; еще один взмах – и Эдвин пошатнулся, упал ничком, перекатился по полу и, испустив вздох, остался недвижим – равнодушный к любви, ненависти и греху. У его ног лежала голова попугая, в его клюве еще слабо подрагивал мясистый язык.

Пламя свечей трепыхалось, словно от дуновения ветра, на стене причудливо дергался призрачный Сатана. Над мраморной каминной полкой размахивало косой седое Время, безжалостно и неустанно свершая свой необратимый труд.

1888–1889

Человек с носом

*Всякий раз, когда я смотрю на твою физиономию,
я вспоминаю об адском пламени и о богаче,
который при жизни всегда одевался в пурпур,
ведь он там в своем одеянии так и пылает,
так и пылает!..⁸*

– Мой нос – проклятие всей моей жизни!

Человек помоложе, сидевший по соседству, встрепнулся.

Дотоле эти двое не разговаривали. Они занимали противоположные концы скамейки на каменистой вершине Примроз-хилл⁹, откуда открывался вид на Риджентс-парк. Дело было поздним вечером. Вдоль тропинок на склоне холма пролегли желтые пунктирные линии из световых столбиков; тусклой полосой посеребренной зелени протянулась Альберт-роуд – это переливалось между деревьями сияние газовых фонарей; за нею расстился загадочный мрак парка, а еще дальше, там, где рдеющая медь неба переходила в желтый туман, начиналось великолепие оживленных улиц квартала Мерилебон. Грозную черноту крайних домов на Альберт-террас хаотично прорезали освещенные окна. В вышине сверкали звезды.

Оба молчали, уйдя каждый в собственные мысли, и были друг для друга всего лишь смутными темными силуэтами – покуда один из них не счел нужным подать голос и открыть свою тайну.

– Да, – произнес он после паузы, – мой нос всегда стоял у меня на пути, всегда.

Человек на противоположном конце скамейки, похоже, не расслышал предыдущей реплики, но теперь он во все глаза уставился сквозь сгущавшийся сумрак на соседа-коро-тышку, который повернулся к нему лицом.

– Не вижу никаких изъянов – нос как нос, – заметил он.

– Будь сейчас посветлее, увидели бы, – возразил собеседник. – Впрочем, *это* поправимо.

Он порылся в кармане и что-то извлек оттуда. Раздался скрип, не гаснущая на ветру спичка вспыхнула зеленоватым фосфоресцирующим светом, и на фоне этой вспышки мир вокруг стал еще темнее.

На минуту повисла выразительная пауза.

– Ну? – спросил человек с носом, придвинув выдающуюся часть лица к свету.

– Видал и похуже, – отозвался его сосед по скамейке.

– Сомневаюсь, – заупрямился человек с носом, – а если и так, это слабое утешение. На форму обратили внимание? А на размеры? У него же разные крылья: одно вздыбленное, другое покато, как склоны горы Сноудон¹⁰. Торчит посреди физиономии, точно птичник внутри крытой галереи. А цвет!

– Ну, строго говоря, он не сплошь красный.

– Само собой – там есть и пурпур, и синева, и «лазуритовый тон, как у жилки на груди Мадонны»¹¹, в одном месте – даже сероватая бородавка. Да что уж – это вообще не нос, а

⁸ В эпиграфе цитируются обращенные к Бардольфу слова сэра Джона Фальстафа из первой части (1595–1597, опубл. 1598) исторической дилогии Шекспира «Генрих IV» (1595–1598, опубл. 1598–1600; III. 3). Перевод Е. Бируковой.

⁹ *Примроз-хилл* – общественный парк с одноименным холмом в его центре, в лондонском боро Кэмден, открытый для посещений в 1842 г. К югу от него, по другую сторону Принс-Альберт-роуд, находится упомянутый ниже *Риджентс-парк*.

¹⁰ *Сноудон* – самая высокая (1085 м над уровнем моря) гора в Уэльсе, с шестью хребтами – крутыми и скалистыми на севере и востоке и пологими на юге и западе.

¹¹ Неточная цитата из стихотворения английского поэта-романтика Роберта Браунинга (1812–1889) «Епископ заказывает себе гробницу в церкви Святой Пракседы» (1845, ст. 42, 45).

первобытный хаос, притороченный к моему лицу! Но поскольку он воткнут там, где полагается быть носу, окружающие бездумно признают его за таковой. То, что венчает мое лицо, – это брешь в совершенном здании мироустройства, забытая Творцом глыба необработанного материала. В нее заключен мой настоящий нос – подобно тому как статуя заключена в глыбу мрамора до тех пор, пока в должный час она не обретает свободу. В следующей жизни... Впрочем, этого нельзя предсказать наперед. Что ж, ладно... Я редко завожу речь про свой нос, дружище, но в самой вашей позе мне почудилось что-то участливое, а меня нынче тянет поговорить. Проклятый нос! Но я, наверное, утомил вас, всунув его поперек ваших мыслей?

– Если разговор про нос облегчает ваши страдания, то прошу вас, продолжайте, – предложил носатому джентльмену собеседник, который, судя по его чуть дрогнувшему голосу, принял услышанное близко к сердцу.

– Тогда я скажу, что мой нос напоминает мне о фальшивых носах, которые нацепляют на себя в дни карнавала даже самые унылые люди, дабы предаться остроумному и жизнерадостному веселью. Этого достаточно для всеобщего ликования. Подозреваю, тот или иной англиканский епископ тоже как ни в чем не бывало носит на физиономии подобный бутафорский нарост. А вообразите-ка ангела в таком гриме! А если бы на *вас* сейчас напялили такое – вам бы понравилось? Подумайте, каково это: ухаживать за девушкой, выступать на митинге или величаво умирать – с таким носом, как у меня! Подружка открыто смеется над вами, публика глумливо гогочет, палач, давясь от хохота, с трудом находит в себе силы запалить ваш жертвенный костер. Ей-богу, я не шучу! Не однажды я поднимал бунт и клятвенно восклицал: «Я избавлюсь от этого носа!»

– Но что вы можете сделать?

– То-то и оно, что ничего, таков мой удел. А самое печальное – это сознавать, что мое положение, при всем его трагизме, невероятно комично. Одному Богу известно, как я буду радоваться, когда карнавал жизни завершится и я наконец расстанусь с этой шутовщиной. Пагубнее всего она сказывается на делах амурных. Мне ведь не чужды утонченные, нежные чувства, и здоровье у меня в порядке. Но что сможет увидеть во мне женщина, кроме моего носа? Она захочет прочесть любовь в моих глазах – а их загородит *он*, во всей своей безразмерной красе. Я обречен на то, чтобы предаваться любовным утехам в инквизиторском капюшоне с прорезями для глаз, – и даже под ним будет всюю топорщиться эта продолговатая шишка. Я читал и слышал от других – и вполне могу представить себе, – как прелестно женское лицо, светящееся любовью. Но эта темница плоти способна вмиг остудить самое пылкое сердце.

Монолог резко оборвался, сменившись громкими, яростными проклятиями. Молодой человек, сидевший на соседней скамейке в обнимку с девушкой, вскинулся и произнес: «Эй, потише!»

– Мне, разумеется, и в голову не приходило, – заговорил собеседник носатого джентльмена, – что красный нос – источник таких несчастий, но теперь, когда вы...

– Мне показалось, вы сумеете понять. Этот нос сопровождает меня всю мою жизнь. Нынешнюю форму он приобрел еще в школьные годы, а вот теперешний цвет пришел уже позже. Меня обзывали пятаком, Назоном¹², Цицероном¹³, хоботом, шнобелем. С годами он

¹² *Назон* (Naso) – третье из имен (родовое прозвище) знаменитого римского поэта Публия Овидия Назона (43 до н. э. – 17/18 н. э.) – фонетически близко к латинскому слову «*nāsus*» (нос), что уже при жизни автора «*Любвных элегий*» стало источником множества каламбуров. На античных изображениях Овидий нередко запечатлен в профиль с сильно выдающимся (вопреки реальности) носом.

¹³ Третье имя римского философа, политика и оратора Марка Туллия *Цицерона* (106–43 до н. э.) – *Сисеро* – созвучно латинскому слову «*cīcēg*» (горох). Греческий историк Плутарх в «*Сравнительных жизнеописаниях*» (Цицерон, гл. 1) высказывает предположение, что это прозвище первый в роду Туллиев получил из-за формы своего носа – широкого, приплюснутого и напоминавшего горошину с бороздкой на кончике. Он также сообщает, что Цицерон, несмотря на частые насмешки, гордился своим родовым прозвищем и однажды даже попросил вырезать вместо него горошину в подписи на серебряном дарственном приношении богам.

наливался все больше и больше, и мое будущее становилось все более трагическим. Любовь, которая только и придает смысл человеческой жизни, для меня – книга за семью печатями. Одиночество! Я возблагодарил бы небеса за... Но нет! Даже слепая женщина распознала бы его форму на ощупь.

– Но ведь, кроме любви, – задумчиво возразил более молодой собеседник, – существует и многое другое, ради чего стоит жить, – например, труд на благо общества. Неказистый нос ничуть ему не помеха. Некоторые люди находят, что труд куда важнее любви. Только не подумайте, что, говоря это, я не сопереживаю вашим невзгодам.

– Это вполне ясно уже по вашему тону. Ваши слова выдают, насколько вы еще молоды. Мой дорогой юный друг, труд – бесспорно, отличная штука, но поверьте, это недостаточный стимул. В нем нет улады. Вам еще предстоит это узнать. А кроме того, меня одолевают несказанная потребность любить, иметь рядом понимающую душу – и несказанная горечь оттого, что я одинок. Я догадываюсь, что вы не одобряете моего ропота, – но, украдкой наблюдая за окружающими в различных ситуациях, я знаю также, что лишь по-настоящему тонкая и артистическая натура способна проявить сочувствие к ближнему, которое так меня подкупает. Я много наблюдаю за людьми – пожалуй, даже чересчур много, – и поверьте дотошному антропологу-любителю: ничто так не выдает характер человека, как его поза в сумерках, когда, ему мнится, его никто не видит. Вот вы сидите, и ваш черный силуэт четко вырисовывается на фоне неба. О! А вот сейчас вы напряглись. Но вы не кальвинист. Друг мой, самое лучшее в жизни – это ее улады, а лучшая из улад – это любить и быть любимым. А тут – этот злосчастный нос! Что ж, есть немало других удовольствий, пусть и не столь восхитительных. Когда смеркается, я могу ненадолго забыть об этом пугале. Весна прекрасна, над холмами Даунза¹⁴ чудесный воздух; лежишь среди вереска и любишь на звезды в вышине. Даже лондонское небо к ночи окрашивается в более мягкие цвета, хотя край его все еще пламенеет. Днем тень от моего носа гуще и темнее. Но нынче вечером мне невесело – и все из-за того, что ожидает меня завтра.

– А что ожидает вас завтра? – спросил тот, что был помоложе.

– Меня ожидают новые знакомства, – объяснил человек с носом, – и любопытные взгляды, в которых смешиваются изумление и жалость и которые я слишком хорошо знаю. Моя кузина – мастерица устраивать званые ужины – пообещала гостям мой нос в качестве изюминки вечера.

– Да уж, ситуация хуже не придумаешь, – заметил собеседник.

Вновь воцарилось продолжительное молчание. Через некоторое время человек с носом поднялся и зашагал во тьму, что окутывала склон холма. Молодой человек наблюдал, как незнакомец исчезает в ночи, и тщетно спрашивал себя, чем можно утешить душу, на которую судьба наложила столь тяжкое бремя.

1894

---

¹⁴ *Даунз* — протяженная, занимающая территорию нескольких графств (Серрей, Кент, Сассекс) гряда холмов на юго-востоке Англии.

Побег из семьи

– Твоя жена нас не замечает? – спросила мисс Хокинс.

– Полагаю, что нет, – ответил мистер Габбитас. – Разговаривает с тем теософом¹⁵.

Теософ был стройным молодым человеком родом из Индии, а его шевелюра, должно быть, вела происхождение из Судана. Миссис Габбитас – дама с умным лицом и профилем римской статуи – отличалась поверхностным глубокомыслием. Она с явным интересом слушала индуса. Посему мисс Хокинс снова повернулась к Габбитасу.

– В общем, я так больше не могу, – сказал Габбитас.

– Говори потише, – попросила мисс Хокинс.

– Я не могу так больше, *любимая*, – повторил Габбитас, стараясь вложить как можно больше нежной страсти в хриплый шепот.

– Что же нам делать? – спросила мисс Хокинс.

– Бежать, – ответил Габбитас. – Бросим все и уедем куда-нибудь, где солнечный климат...

– Тише! – оборвала его мисс Хокинс. – Идут сюда, будут просить меня спеть. Я скоро. Обожди немного.

Мистер Габбитас отпустил ее от себя со всей учтивостью, на какую только был способен в сей судьбоносный момент, и нашел место у стены, откуда можно было лицезреть профиль возлюбленной.

– Ужасно умна, – сказал своему другу изящный молодой человек, стоявший слева от него.

– И добродетельна, – заметил его приятель. – Но это неправильно. Она должна позволить себе какую-нибудь маленькую... фриivolность. Одним пением интересен не будешь.

– Она это понимает, – заметил изящный молодой человек. – Она достаточно умна. Будет некое приключение...

– Боже мой! Подозревать мою прелестную маленькую Минни в подобных помыслах... – пробормотал себе под нос Габбитас. – Решительно невозможно это слушать. – И он поспешно занял другое свободное место у стены.

Вскоре он уже с чувством бесконечного облегчения шептал Минни:

– Как же приятно снова быть с тобой! Итак, любимая, скажи откровенно, сможешь ли ты, решишься ли... сбежать со мной? Если б ты только знала, как я тоскую по тебе, как душа моя жаждет... – (*Очень громко.*) – Я замечательно провел время!

Последняя фраза была произнесена, поскольку кто-то неожиданно возник прямо за спиной мисс Хокинс.

– Ушли, – сказал Габбитас. – Скажи мне, любимая, поскорее. Прошепчи. Решишься? – (*Пауза.*)

– Ради *тебя*, – еле слышно прошептала мисс Хокинс, потупившись.

Габбитас воспринял это как согласие.

– Моя милая, только моя! Теплый климат благов... Здесь слишком жарко, не находишь?

– Что тебя беспокоит?

– Миссис Габбитас на меня поглядела. Кажется, хочет домой. Теософ ее оставил.

Проницательный наблюдатель не преминет заметить, что муж, замысливший сбежать от жены, пускай у нее скорее одухотворенное, нежели красивое лицо и она склонна к философствованию, обязательно будет испытывать угрызения совести. И Габбитас испытывал. Даже

---

¹⁵ *Теософ* – приверженец теософии, религиозного учения, у истоков которого стояла русская эмигрантка Елена Петровна Блаватская (1831–1891) – оккультистка, спиритуалистка, писательница и путешественница, в 1875 г. основавшая в Нью-Йорке Теософское общество.

в браке, прочность которого обусловлена главным образом меркантильными соображениями, необходимость совместного проживания невольно порождает привычку считаться с чувствами друг друга.

– Вечер удался на славу, дорогая, – заметил Габбитас. – И сэндвичи подавали отменные.

– Да, – отозвалась миссис Габбитас, обращая на мужа мечтательный взор. – Сэндвичи отменные и антураж. И музыка. Вечер несказанно хорош.

– Рад, что тебе настолько понравилось, дорогая.

Миссис Габбитас загадочно улыбнулась. Ее вдруг обуяла нежность.

– *Дорогой* муж, – произнесла она.

«К чему это? – подумал Габбитас. – Она ведь не станет ни о чем допытываться?» А вслух согласился:

– Да, дорогая.

– Ты всегда был хорошим мужем, дорогой.

– Да уж, – пробормотал Габбитас, а затем громко произнес: – Всегда.

– Можешь поцеловать меня, дорогой.

Габбитас сделал то, что было велено. За этим ничего не последовало. Оказав мужу милость, миссис Габбитас удалилась в свой уголок. Значит, ничего не заподозрила. Габбитас испытал огромное облегчение. Да, прежде она не разговаривала с ним в такой манере. Что ж, если подобные приливы чувствительности продолжатся, будет еще один повод сбежать.

Не раз и не два, а гораздо больше за эти две недели миссис Габбитас приходила в то же самое нежное настроение. Несколько реплик крайне удивили Габбитаса. Однако он продолжал собирать вещи в своей комнате, поскольку был человек решительный.

– Она не может *знать*, – сказал он себе, провожая супругу взглядом после одного из таких разговоров. – Узнала бы – подняла бы шум. Определенно. Ее нрав мне хорошо знаком. А эта новая манера почерпнута из какого-нибудь современного романа. Бедная старушка Мимси!

Проходя мимо спальни супруги, он бросил на нее беглый взгляд и на минуту остановился, ибо ему показалось, что Мимси стоит на коленях подле кровати и плачет. Однако, присмотревшись, он понял, что жена просто складывает одежду в корзину, и со спокойной душой направился вниз по лестнице.

Минуло пять дней с последнего из этих примечательных разговоров, и Габбитас оказался на Саутгемптонской платформе вокзала Ватерлоо, с грудой дамских и мужских баулов и все возрастающим ощущением собственной неправоты. Мисс Хокинс являла собой очаровательное сочетание робости и хладнокровия.

– Здесь заканчиваются Лондон и респектабельность, – заметил Габбитас.

– И начинается жизнь, дорогой, – ответила мисс Хокинс.

– Вот наш багаж, – сказал Габбитас.

Рядом с их внушительной поклажей располагалась чья-то еще, похожая. Внимание Габбитаса привлек маленький саквояж, который показался ему знакомым.

– Это мой? – спросил он у носильщика.

– Миссис Да Коста, – прочел тот на бирке. – Следует в Лиссабон.

– Тогда не мой, – констатировал Габбитас. – И все же это как-то... странно. Надо проследить, чтобы наши места не заняли, милая.

У двери вагона спиной к ним стоял какой-то человек – явно иностранец: слишком пушистая у него была шевелюра. Англичанин бы такую не выставлял на всеобщее обозрение. При их приближении человек обернулся.

Какое-то время они с Габбитасом вопросительно смотрели друг на друга.

– Мистер Джамасджи Ганпат, – наконец произнес Габбитас.

Мистер Ганпат, выдающийся теософ, непонимающе уставился на него. С мгновение он выглядел испуганным. Затем его лицо просветлело. Он приподнял краешек шляпы.

– Мистер Габбитас и мисс Хокинс!

Слегка отвернувшись, мисс Хокинс выдернула торчавшую нитку из дорожного пледа.

– Мы направляемся в Саутгемптон, – сказал Габбитас, вернув себе утраченное самообладание. – Вместе. Нужно встретить миссис Габбитас.

– Действительно! – Взгляд мистера Ганпата переместился к двери зала ожидания. Индус заметно нервничал. – Не знаете ли вы?.. – начал он. – Полагаю, я должен... мне лучше... Сожалею. Простите. – Неожиданно он повернулся и поспешил прочь.

– Правильно сделали, что поздоровались, – сказал Габбитас. – Он так нервничает. Что-то заподозрил? Шокирован? Ой!

Не успел Ганпат добраться до двери зала ожидания, как она открылась. Оттуда в сером дорожном платье вышла светловолосая дама с римским профилем и нежно ему улыбнулась.

– Мимси! – договорил Габбитас.

– Миссис Габбитас! – воскликнула мисс Хокинс.

При виде встревоженного лица Ганпата улыбка миссис Габбитас улетучилась. Она поглядела за его спину и слабо вскричала:

– О, мой бедный Джордж!

Затем она увидела мисс Хокинс.

– *Вы?!*

– Займите свои места! – воззвал кондуктор. – Просим занять места!

– Полагаю, в сложившихся обстоятельствах нам лучше сесть в поезд и объясниться, – сказал Габбитас, которому не принесли облегчения ругательства вполголоса.

Спустя минуту четверо крайне удрученных и примолкших людей уже отъезжали от вокзала Ватерлоо в вагоне первого класса. Начинать подобные разговоры всегда трудно. В Воксхолле миссис Габбитас решилась заговорить.

– Это *совершенно* нелепо! – резко выпалила она. – И глупо! И с этим теперь ничего не поделать.

– Дорогая, я чувствую ровно то же самое, – очень медленно произнесла мисс Хокинс, не поднимая взгляда и отрывая волнистую полоску от обертки.

– Это даже не романтический скандал, – продолжала миссис Габбитас со слезами в голосе. – Ничего оригинального. Это просто *смешно*. Ужасно! *Чудовищно!*

Все четверо погрузились в молчание.

– Не думаю, – сказал мистер Ганпат, нервно хихикнув, – что... это смешно.

Все снова задумались.

Когда миновали Клапем, мистер Габбитас прокашлялся.

– Ну?.. – спросила миссис Габбитас.

– Надо выбираться из этой передрыги, – начал Габбитас. – Мы с Ганпатом должны драться...

– Нет, – возразил Ганпат. – С нами дамы! Никаких поединков.

– Мы могли бы подраться, – продолжал Габбитас. – Но я не очень понимаю, по какому поводу.

– Совершенно верно, – согласился Ганпат. – Повода нет. – Он одобряюще улыбнулся миссис Габбитас.

– Репутация дам не должна пострадать, – сказал Габбитас.

– Опять же верно, – сказал Ганпат, оживляясь. – Послушайте. Я придумал. Вот как мы поступим. Миссис Габбитас и мисс Хокинс поедут с нами до Саутгемптона. Вполне пристойно, не правда ли? Дослушайте до конца. Потом мы разделимся. Мы с вами, мистер Габбитас, направимся в Париж. Хорошая ведь идея? Мы давно собирались посмотреть Париж. Вы, моя... то есть мадам... вы, мадам, едете с мисс Хокинс. Вы едете в... едете в...

– Лиссабон, конечно, далеко, но он указан на багаже.

– Да-а, – задумчиво протянула мисс Хокинс, разрывая бумажные полоски на квадратики. – Это разумно. Я, само собой... я не против. *Теперь* не против.

– Замечательно. А что *вы* скажете, Габбитас?

– Совершеннейшая путаница, – сказал тот, поглядев на мисс Хокинс.

Мисс Хокинс подняла взгляд и, как показалось Габбитасу, еле заметно кивнула. Он повернулся к Ганпату.

– Очень хорошо, так и поступим.

– Мы все были глупцами, – сказала миссис Габбитас. – Полными глупцами.

– Насколько я понимаю, тут все хороши, – заметил ее муж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.